

**ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ ТА
ІСТОРІЯ ЕКОНОМІЧНОЇ ДУМКИ.
ПОЛІТИЧНА ЕКОНОМІЯ**

УДК 330.101

П. С. ЛЕМЕЩЕНКО,
*доктор економічних наук, професор,
заведуючий кафедрою теоретической и
институциональной экономики,
Белорусский государственный университет*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ – НАУКА
КОРОЛЕЙ, ИЛИ К ВОПРОСУ О МУДРОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

В статье представлены основные проблемы социально-экономического развития на современном этапе, обусловленные недостатком политэкономического знания и обосновывается необходимость интенсивного возрождения новой политэкономии. «Плохо» развиваются те страны, экономические агенты которой не знают законов и категорий современной политэкономии. Предмет последней, по мнению автора, впитывает классические основы политэкономии как науки в целом и расширяется за счет включенных в общественное геополитическое воспроизводство новых ресурсов, отношений, свойств, факторов, условий: информации, институтов, мотивов, форм кооперации и пр. Политэкономия институциональных изменений – центральная научная проблема современности.

Ключевые слова: политэкономия, рациональность, интересы, социально-экономическое развитие, институты.

Постановка проблемы. Начала политэкономии. Такое название, по сути, было заложено основателем этой академической дисциплины А. Монкретьеном, написавшим «Трактат по политэкономии», 400-летие которого человечество отмечало в совсем недавно – в 2015 году. Если обратиться к истории социально-экономического развития, анализу успехов и проблем этого важного процесса и жизни, то можно заметить, что старт современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и

противоречивыми результатами заложила именно политэкономия. И тем более странно, что это, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой, современной основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов.

Выяснение направлений социально-экономического *развития*, поиск причин бедности и путей успеха, благополучия стран являются стержневыми проблемами всей истории эволюции экономической науки. По сути, классическая политэкономия явила собой первой законченной теоретической формой, относительно сформировавшейся и признанной наукой не просто об экономическом росте, динамике, а наукой *о хозяйственном развитии* (под развитием все мы фактически понимаем движение вперед всей социальной системы [1]). Это была упорная, долгая, противоречивая и трагическая работа умов всесторонне образованных людей за поиск стратегии, источников и форм эволюции человеческого сообщества. Казалось бы, простые вопросы, (например, а какой труд сегодня является производительным, а какой нет, какие законы регулируют отношения распределения глобальной системы и систем национальных и т. д.) но именно они являются камнем преткновения и по сей день.

Анализ последних исследований и публикаций. В настоящее время проблему развития, но уже в современных условиях попытались решить через категорию «инновации». Правда, успехи здесь не только постсоциалистических, но и всех остальных стран более чем скромные, о чем свидетельствуют *результаты мирового общего кризиса (!) 2008 г.*, ориентирующие, в том числе и на необходимость кардинальных изменений и в области экономической науки [2, 3, 4]. Действительно, экономическая наука начала активно использовать этот термин – экономическая теория – в своем аналитическом обороте где-то в 80-е годы. В данном контексте под экономической наукой понимается лишь направление и сложившаяся исследовательская программа «экономикс» неоклассики. Отличия политэкономии, экономикс, других школ и направлений теории, а также закономерностях эволюции экономической науки в широком смысле слова, методологии и аналитического аппарата изложены в ряде работ автора [5, 6, 7, 8].

Во-первых, остро обнаружилась в очередной раз проблема поиска новых источников экономического роста, чем ограничивалась в силу известных идеологических мотивов более фундаментальная проблема выбора *стратегии социально-экономического развития, обеспечивающего более справедливое жизнеустройство*.

Во-вторых, сказались не только « пороки рынка », но и « пороки государства » и поэтому встал вопрос как, в каких конкретных социально- и

политико-экономических *формах* совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями западного общества. В неявном виде органически целостное сочетание собственно экономики, политики, этики, философии, организации, права было представлено еще в работах А. Смита (мы не будем пока касаться научных основ Аристотеля и Платона), семь лет преподававшего «Теорию нравственных чувств»; Д. Рикардо, занимавшегося политикой, историей, бизнесом; К. Маркса, юриста по образованию и политэконома, философа по духу; В. Ойкен – деятель Фрайбургской школы; Дж. Кейнс – участник Блумбергской группы, активный политик. Иначе говоря, проявился в очередной раз «порок мышления».

В-третьих, следовало разрешить известное противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к *корпоративному обобществлению*, и малого бизнеса, «подогревая» тем самым через естественно затухающую конкуренцию.

В-четвертых, неоклассическая теория через понятие «инновации» делает попытку восстановить в «экономике» ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через «производительные силы» и соответствующие их элементы, взаимосвязь.

Наконец, в-пятых, уже остро почувствовалась необходимость *целостного, всестороннего, развивающегося и полного* научного отражения противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, порождая «дефект знания». «Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой «политической экономии» на отдельные современные дисциплины... Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками» [9, с. 426]. Таким образом, существенные изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования подвели к необходимости формирования или новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением, или же обращению к эвристическим традициям политической экономии, наполняя ее новым содержанием. Сегодня на эту тему дискуссии идут крайне активно.

В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, где явно просматривается идея формирования новой парадигмы с иным предметом и методологией [10, 11, 12, 13, 14, 15]. Центр общественных наук при МГУ им. М. В. Ломоносова (рук. Ю. М. Осипов) организовал целую серию книг, посвященных теоретическим проблемам

эволюции экономической науки в условиях современной трансформации: «Экономическая теория на пороге XXI века», переименованная в новом текущем столетии как «Экономическая теория в XXI веке».

Формулирование целей статьи. Целью данной статьи выступает исследование основных проблем социально-экономического развития на современном этапе, обусловленных недостатком политэкономического знания, а также обоснование необходимости интенсивного возрождения новой политэкономии.

Изложение основного материала. Наука и практика, практика науки. То, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание и экономическое сознание. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [16, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [14, с. 391]. Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в том, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об *обмене*, каталлактика по определению Л. Мизеса [17]. Воспроизводство же, как категория политической экономии, отражает широкий спектр фундаментальных оснований хозяйственной системы, включая динамические технико-экономические и политико-социальные изменения не только общего уровня, но и на стадиях производства, распределения, обмена и потребления.

Оставляя за пределами внимания вопросы экономики, к которым обращалось и обращается неоклассическая теория и которые известны более из учебников и учебных пособий, выполненных в англо-американских методологических традициях, обратимся к вопросу, а каково же сегодня состояние политэкономии. В «Кембриджской энциклопедии» указывается, что «политическая экономия» – это название, которое было дано экономике в конце XVIII в. – начале XIX в. В нынешнем столетии это понятие не получило широкого распространения ... поскольку спектр проблем, изучаемых экономикой сегодня, гораздо шире, он включает в себя значительно больше вопросов, чем состояние национальных экономических систем и роль правительства в экономической жизни» [18, с. 958]. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» политическая экономия определяется

как «одно из направлений экономики, предметом изучения, которого являются экономические проблемы правительства» [19, с. 782].

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько направлений именно политической экономии, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история. Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транснационального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии [20, с. 17, 266-273].

Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, А. Смит, Дж. Милль или К. Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящие за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2 \dots I_n, I_n)$. Где I_1, \dots, I_n – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монопольно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен), (Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты [8, с. 19–23].

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления:

теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности в условиях рынка, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20 % мировой бедности и нищеты.

Позитивный анализ современного мирового хозяйства свидетельствует, прежде всего, о том, что, *во-первых*, динамика *развития* крайне неустойчива и имеет нестабильные темпы экономического роста *без тенденции к развитию*. *Во-вторых*, резкие колебания конъюнктуры наблюдаются и в системе мирохозяйственных связей, отношений. Торговля имеет тенденцию к сокращению в общей структуре трансакционных сделок (около 2%), что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала как ее основы. Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный самостоятельный спекулятивный конгломерат – квазиэкономiku, функционирующий не в интересах развития национальных экономик и жизни людей планеты. *В-третьих*, мировая экономика как целое (*мир-экономика*) опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов не только бедных, но и богатых стран. Парадоксально то, что сама *кризисность* мира обеспечивает пока еще внушительную *глобальную ренту финансовому капиталу*, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего кризиса. *В-четвертых*, колебания валютных курсов объясняются в первую очередь внедрением в хозяйственную деятельность спекулятивного мотива своеобразного «казино–экономики». Колебания цен на нефть как стратегический товар подтверждают высказанный тезис, ибо это колебания никак не связаны ни с затратами, ни новыми технологиями, ни даже новыми рынками, динамикой мирового ВВП. Политика международных институтов направлена на сознательное снижение твердости национальных валют,

консервируя тем конкурентоспособность стран. *В-пятых*, на сегодняшний день в мире происходит очевидный технологический, демографический, экономический и социальный перекося. Инновации и, естественно, капиталовложения больше всего проникли в финансовую сферу, обеспечивая рентные доходы, дестабилизируя рыночную стратегию развития, «сбив» ее генетический код.

В-шестых, в конце 20 века возникло еще одно *неравенство* еще более глубокое, чем неравенство по уровню бедности и потребления, которое также углубилось. Рынок, как оказывается, за сотни лет не решил проблему даже относительного материального благосостояния, потому что голодных стало еще больше. Но суть возникшего нового неравенства состоит в том, что глобальная сеть, созданная информационно–компьютерными технологиями, зафиксировала и неравенство стран и людей в *доступе к информационному ресурсу*. Возникла серьезная социально-нравственная проблема *информационной дискриминации*, которая в свою очередь *разлагает общественный капитал и тем самым нарушает хрупкое институциональное равновесие*. Эксплуатация приобрела более изощренные формы, усиливая неравенство населения, беднейшая часть которого уже составляет около 40 %.

В-седьмых, современная мир-экономика со своими характеристиками уже давно *не вписывается в предмет мировой экономики*. Мировое хозяйство функционирующей модели при тенденции к глобализации обнаружило свой *предел к потенциальному развитию*. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые иногда называют великими мировыми разломами. По сути, это новый передел мира. *Противоречие между трудом и капиталом переходит в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капиталов и культурными ценностями человеческого бытия, логикой спекулятивной экономики и избранными в эпоху классицизма ценностями демократическими*. Объектом жесткой конкуренции и эксплуатации является *распределение функций и ролей государств по участию в мировом управлении*.

Оценивая под углом зрения *мировых тенденций уровень достижений экономической науки в традициях «мэйнстрима»*, следует отметить, что ее *предмет* не получил четкого статусного *определения*. Инвентаризация идей экономической теории показывает ее заикленность на системных свойствах абстрактного *рынка* и может предложить лишь узкую, статичную, фрагментарную и самый общий набор принципов функционирования этой модели экономического устройства без философского, исторического, политического и социального контекста. *Наука об экономике*, традиционно базировавшаяся на соответствующих стоимостных категориях, дополненных ценностными характеристиками утратила во многом свою историко-

логическую эвристичность, самостоятельность, цельность и практичность. Проявлением цивилизационного кризиса выступило возникновение *параэкономики* и *гетероэкономики* как своей противоположности, переходящую в теньевую, а потом и в *антиэкономику*. Начали возникать в связи с этим и *лжетеории*, «объясняющие» эти новые явления в заданном русле.

Таким образом, выходящие сегодня на поверхность современные практические хозяйственные проблемы и сложившийся уровень теоретических наработок позволяют на текущий момент выделить *в предмете экономической науки* уже достаточно оформленное *целостное институционально-экономическое и социокультурное пространство*, имеющего задачу исследования комплекса проблем *геополитического и социально-экономического развития*. *Институциональные инновации* здесь имеют первостепенное значение и детерминированность по отношению к другим *изменениям, росту и пр.*

Но научный метод *имеет первостепенное значение перед фактами рациональности* и даже перед отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, результаты, отраженные в определенных категориях, а, в конечном счете, и право экономики считаться наукой. Однако необходимо подчеркнуть, что *в выборе метода* или частных методик экономических исследований должно быть, во-первых, обращение к экономике как устройству, имеющего конституирующие начала, на что фокусировала внимание политэкономия. Во-вторых, закладывать в ней эволюционные установки и способность к самоорганизации и порядку. А в-третьих, теоретическая экономика (политическая экономия) в своем фундаментальном понимании ориентировала на эвристическую функцию и лишь при условии заложенной а priori гуманистической позиции. Такое утверждение позволительно по той простой причине, что экономическая наука — это, прежде всего наука о человеческой деятельности, а не только учение о товарно-денежных агрегатах.

Историко-логический контекст. *Проблемы методологического характера*, свойственные для современного этапа экономической науки, лучше всего могут быть поняты, если кратко обратиться к *истории логики экономических исследований*. *Первая целостная картина* экономической реальности, если оставить в стороне ранние стадии становления теоретической экономики, принадлежит классической политической экономии. *Мир богатства* выступил предметным миром политэкономии, а объективные законы-тенденции стали эвристической целью и главной функцией экономической науки на тот период. «Стержнем» общей экономической картины мира было *движение* или кругооборот общественного продукта с его

составляющими элементами. Классиками выясняются причинно-следственные и функциональные взаимосвязи между главными источниками богатства — землей, трудом, капиталом, формами богатств и его распределением через соответствующую систему доходов. В движении богатства классики искали универсальные закономерности и законы экономии, стремясь предвидеть и объяснить тенденции экономического развития.

Используемая *парадигма марксизма* позволяет считать это учение продолжением эволюции классической школы. Конкретный мир на теоретическом уровне воспроизводится К. Марксом, 200-летие которого отмечало мировое сообщество в текущем году, как совокупность противоречиво развивающихся производственных отношений между трудом и капиталом, внутри различных видов капитала, между исторически сложившимися институтами (частной собственности, государства, религии, морали, семьи и пр.) и новыми институциональными изменениями (демократическая мораль, буржуазное право, новая роль банков, капиталистическая и акционерная собственность, производственная кооперация на уровне капиталов, монополистические объединения). В исследовательской программе К. Маркса диалектическая позиция воплощалась непосредственно через метод восхождения от абстрактного к конкретному, дополняемый принципом единства логического и исторического. И в этом новизна методологии марксистской политэкономии. Как бы приняв вызов *исторической школы*, К. Маркс делает дедуктивные заключения об эволюции общества в целом и экономике в частности как естественно-историческом процессе, в котором товар как элементарная форма общественного богатства фиксирует в себе синкретичные начала истории хозяйственного бытия и логики.

Историческая школа не восприняла парадигму классической политической экономии, что создало научный конфликт. Формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии *социальной экономии*, поскольку впервые в истории науки отчетливо и критически осознанно была сформулирована сама проблема *метода экономического исследования*. Представители исторических традиций в экономике своими работами дали возможность зафиксировать национальное самосознание европейских стран, для которых понимание и, естественно, развития экономики возможно лишь в *контексте освоения мира культуры* в широком смысле слова.

Следующий значимый парадигмальный сдвиг в теории экономики был связан с австрийской школой и в целом с маржиналистами. Объективная картина экономического мира сменилась субъективным восприятием экономического агента. Здесь предельно чувственное каждого из них все-таки

выводилось из некого абстрактного субъекта, который наделялся теми или иными чертами. *Реальная же картина* экономического мира уже *интерпретируется* как образ (!) этого субъекта. Маржиналисты своими теориями обратили внимание на то, что экономическая реальность сама рождается в процессе субъективной оценки субъекта.

Итак, эволюция экономической науки выкристаллизовала *четыре главные картины* сложного и динамичного реального хозяйственного мира. Это, прежде всего, *мир богатства и модель развития* классической политической экономии и политэкономии К. Маркса. Во-вторых, *хозяйственная картина всей культуры* национальной экономики, к чему в своих исследованиях обращаются представители историко-институционального направления. В-третьих, *мир хозяйствующего субъекта маржиналистов*. В-четвертых *активный деятельный мир*, предложенный Дж. Кейнсом. В каждом из этих подходов осуществляется в свою очередь и своеобразная интерпретация *рациональности и фактов*, к которым обращаются экономисты. Анализ методологии экономической науки в XX в. не позволяет за последнее десятилетие в развитии экономической мысли обнаружить каких-либо новых парадигм теории. Для эволюции практически всех сложившихся направлений и школ экономической науки характерно использование *плюралистических парадигм*. Вероятнее всего, *плюрализм экономической теории XX в. вполне соответствует усложнившейся реальности глобального капитала*, в развитии которого преобладают противоречивые процессы не только на уровне политико-экономических, но и на уровне хозяйственно-психологических связей. Он включает в себя не только известные параметры, вытекающие из предшествующей экономики, но и *впитывают глубинные аналогии между забыванием прошлой истории и актуализацией будущего, психологическим временем и наследственным процессом психологического забывания, наследственной и социальной обусловленностью поведения людей, психологической оценкой денежных явлений с постепенным затуханием во времени и эффектом запаздывания регулятивных политико-экономических мероприятий*.

В существующих же теориях обнаруживается *этическое начало* английской политэкономии, *конституционно-правовая* основа американской теории, *историко-культурные* корни западноевропейской науке и *патриархально-самодержавные* элементы экономической науки Российско–Белорусско–Украинского региона. В свою очередь эти особенности *проявляются и в реальных политико-экономических моделях*, которые в том или ином исполнении функционируют в этих странах и регионах в настоящее время.

Політэкономия – наука розвиваюча. Важные *изменения* в теории вносятся *влиянием «новой экономики», «экономики знаний»*. Формирование новой экономики соответственно связано с циклами технологических укладов, структурой производственных отношений хозяйственных связей и форм. Свойственные для новой экономики проявления стали *доминирующими* как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях, отношениях, связях. Поэтому теория *новой экономики* должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание принципиально иные гносеологические компонента. *Первый* – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся, в том числе и конкурентную среду. *Второй* аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. *Третий* – влияние возникшей новой нормы, регламентирующей не только поведение хозяйствующих субъектов, но и придающей *целостность* современной экономической системе – *институциональной ценности*. Последняя есть не что иное, как в высшей степени субъективированная категория, приходящая на смену стоимости. Но она фокусирует мышление на доминирующей категории «информационной экономики», где *норма прибыли высокотехнологичных отраслей*, определяет критерий равновесности и эффективности системы. Таким образом, информация, информационные технологии делают не только *предметом труда*, но и экономической науки, *сознание человека*, проявляющееся в различных общественных формах. Это, следовательно, также должно попасть и в предмет науки. Названия предлагаются для новой теории – разные. В нашей версии – *теоретическая экономика* как следующий виток политической экономии – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка оптимальных хозяйственных «порядков», определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы. Если учесть многие эпистемологические дискуссии, то парадигма современной науки об экономике будет иметь несколько уровней или же, образно говоря, «фильтров»: *онтологический, инструментально-языковой, риторический и методологический*. Современный этап развития

экономической науки, вышедший на *четвертый уровень рациональности*, требует уже переосмысления самой теории, *реализованной* непосредственно в *текущей хозяйственной и политико-экономической системе*. Речь идет о том, насколько *нынешний мирохозяйственный порядок* отвечает *экономической цели – развитию человека, мир-системы в целом и всех вытекающих отсюда проблем*. Современный *общий экономический кризис*, по сути, насильственно отрицает прежние экономические ценности и хозяйственные порядки, формы, ориентируя ученых, политиков, менеджеров на поиск новых политэкономических форм.

При всей своей важности в условиях современности *исследовательская программа* институционализма все же будет частным случаем политэкономии. Объект и предмет анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки «ресурсы-результаты» и производственные отношения. Институциональная программа исследований обращается к кумулятивному началу общества, как целого, так и различных его *составных элементов*. Это дает хозяйственной практике основу для *прогнозирования, планирования и проектирования институтов* развития страны, формируя иной арсенал инструментов госуправления.

Определение же верной «*формулы*» экономической идеологии для этих условий является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и роста*, их источниками, факторами и условиями. В частности, институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*,

выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной *ренды* государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как *политэкономия институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль общественно–экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость. *Экономическая политика* в свою очередь приобретает на данном этапе решающее значение для результатов системных трансформаций, поскольку ее главной целью является создание не просто иной, а более эффективной институциональной системы, где значительно более активное значение приобретают общественные институты. Мы же до сих пор находимся в мифической плоскости «государство – рынок», что уже не отвечает реальности.

Анализ показывает, что *финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом*, основанным на частной собственности и производительной норме поведения. Кроме общей мировой нестабильности система отношений вступила в противоречие против человека как вида и как социума. В условиях глобализации наметился переход традиционной власти от денег и государства к иным формам. Одновременно заложена основа *дестимулирования*, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. *Законы распределения*, на которые повлияла кредитно-денежная система в первую очередь, вступили в противоречие с *законами собственно воспроизводства*. Праздная жизнь как вторая сторона экономик рыночного типа небольшого числа богатых государств, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась ныне ближе, чем жизнь производительная.

Для стимулирования развивающихся экономик надо исходить не из учетной ставки банковского процента как некой нормы поведения экономических агентов, о чем сегодня идут дискуссии, а из возможной, планируемой нормы прибыли на затраты предприятий высокотехнологичных отраслей, которые могут служить критерием эффективности и ориентиром для цен на другие товары, заработную плату, налоги, трансферты и пр. Основным генератором богатства в современной экономике выступает научно-

техническая и инженерная деятельность. Также с институциональной точки зрения мы должны учитывать, что монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества *не является доминирующей стратегией многих новых стран*, где денежный приоритет находится во втором ряду ценностей. К ним относится и Беларусь. Но в реальной хозяйственной практике в альянсе с экономической политикой навязывается в качестве приоритета именно денежный интерес, который всегда выигрывает по праву сильного в финансовых играх, называемых «национальной финансовой политикой». К сожалению, реализуется этот интерес за счет бедных. В 2013 г. 86 % богатства мира находилось в собственности 10 % населения мира, а 2/3 населения мира, соответственно, имеют в собственности всего лишь 3 % богатства. Добавим: в России 1 % богатых владеют 71 % личного богатства. Самыми богатыми (?) странами (2012 г.) «признаются Катар (88 222 долл. США на душу населения) Люксембург (81 486 долл. США), Сингапур (56 694 долл. США), Норвегия (51 959 долл. США), десятку замыкают Нидерланды (40 973 долл. США). А еще недавно до известного кризиса 2008 г. Исландия имела 140 000 долл. США на душу населения. Парадокс – эти страны имеют доходы, занимаясь лишь транзакционными операциями, извлекая институциональную ренту в процессе обмена. Но ведь богатство создается в сфере производства, а чтобы получить доход, надо еще пройти стадию обмена, после чего пропорции этого дохода распределяются далеко не по канонам классической политэкономии.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. И жизни не индивидуальной или групп давления, лоббирования, а исходя из институциональных тенденций мировой практики разложения социального капитала, возрастания недоверия и росту несправедливости. «Справедливость... представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, – пишет А. Смит, – то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в прах» [21, с. 101]. А вот оценка Дж. Стиглицем текущего итога современной экономики: «Финансовый кризис дал понять, что наша экономическая система не только неэффективна и шатка, но несправедлива в своей основе» [22, с. 49].

При всем при том, что «ресурсы имеют значение», для социально-экономического развития страны наибольшее значение и силу имеют *институты*. Институты – это эндогенные феномены, система которых

определяет не только размер дохода и богатства, но и результатов хозяйствования в более широком смысле слова: отношений общения, благосостояния, роста доверия, культуры, накопления научных достижений, опыта, образования, продолжительности жизни и пр. Поэтому этот результат следует рассматривать как функцию от формируемых институтов и институций. Но надо признать, что международные институты сегодня являются доминирующими над институтами национальными. И здесь политэкономия институциональных изменений незаменима для верной селекции и отбора в национальной политэкономической стратегии, проектирования и строительства эффективных национальных институтов. Принципы «экономикс» (экономическая теория), которые получили за последние два десятка лет распространение в вузах и пр., даже не закладывают эту проблему в свой предмет анализа. Отсюда серьезный конфликт различных сфер хозяйствования на практике, но который целостно не анализируется. Обратимся к самой читаемой сегодня книге Т. Пикетти: «Я предпочитаю словосочетание «Политическая экономия», которая, возможно, звучит несколько старомодно, но обладает тем достоинством, что отражает единственно приемлемую особенность экономики в рамках общественных наук, которая заключается в ее политическом, нормативном и нравственном измерении. С самого своего появления политическая экономия стремится научно или, по крайней мере, рационально, систематически и методически исследовать, какой должна быть идеальная роль государства в социальной и экономической организации страны, какие государственные институты и политические меры приближают нас к идеальному обществу» [23, с. 702].

Об экономическом образовании... И не только. В экономической науке в целом и вузах мира ситуация подготовки экономистов весьма непростая. Идет настойчивый поиск не столь методик преподавания, сколь содержания материала. А арсенал его, как свидетельствует история науки, уже накоплен весьма впечатляющий. Но как свидетельствуют многочисленные публикации по этому вопросу, острота дискуссий относительно того *что преподавать только набирает силу* практически во всех странах. Дело в том, что современная «экономика свободного рынка» оказалась на длительное время в ловушке «плохого равновесия» (термин П. Кругмана), когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали из-за того, что «альтернативы рынку нет» и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих». Политические элиты мира не только задают нормы и правила поведения, но и *стиль мышления*, что находит отражение в учебных программах университетов. Кстати, даже в ведущих вузах, которые «ведут» и в нормах мышления, учебные курсы весьма

дифференцированы по статусу студентов, их назначению. Из-за этого в ноябре 2011 года студенты Гарварда не пошли на лекцию известного Г. Мэнкью, написав ему письмо о том, что его курс «экономикс» не дает им объяснений многих современных социально-экономических явлений, подрывая тем самым их подготовку для работы в международных финансовых организациях. Подобные примеры можно привести из вузовской практики Франции, Японии, Израиля. Свои формы протеста уже изобрели и изобретают и студенты Беларуси... И, думаю, не только...

Чтобы понять значимость фигуры К. Маркса и его политэкономии для современников, обратимся уже к профессору экономики Лондонского университета М. Блаугу, известному специалисту в области истории методологии экономической науки который писал: «В своей ипостаси экономиста Маркс продолжает и все еще актуален как ни один из авторов, которых мы рассматривали до сих пор. Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивлялся всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы все мыслим... По прежнему подымается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования... Маркс создал систему, которая охватила все социальные науки... Мы живем в век специализации в области социальных наук в не меньшей мере, чем в области технологии. Но это как раз и есть основание для того, чтобы изучать Маркса и чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное толкование «законов движения» капитализма [24, с. 207]. Сегодня многие, употребляя понятие «система», «системный подход», даже не предполагают какие были варианты этого подхода в экономике уже в прошлом, что они уже дали и каков теоретический потенциал заложен для системной оценки текущего и будущего в марксистской политэкономии.

Восприятие К. Маркса на Западе также шло непросто и имеет свою историю, как в академической среде, так и в вузах. Прежде всего, надо отметить, что большинство его произведений при жизни не были опубликованными. Его идеи были более известны лишь узкому кругу лиц, занимающихся философией и, скажем, революционным рабочим движением. К тому же К. Маркс не преподавал в вузах, где его взгляды, выводы и пр. могли бы значительно быстрее и шире распространяться в широкой социальной среде. Скромное влияние на академическую и вузовскую сферу еще можно объяснить весьма принципиально новым и оригинальным подходом к исследованию общественно-экономического процесса. Ну а вывод о том, когда «экспроприаторов экспроприируют» вовсе был нежелательным для того, чтобы

его можно было тиражировать. Ну а кому этот вывод понравится сегодня, например, в белорусском или украинском обществе, можно лишь предсказать... Со своей стороны заметим, что у К. Маркса этот вывод прослеживается как длительный процесс, как диалектика отрицание отрицания, а не так как он вульгарно представлялся для запугивания определенных социальных сил.

Поскольку в конце 19-го и начале 20-го веков на Западе высшее образование было менее стандартизированное, то «сильные» вузы не боялись тем или иным образом знакомить студентов с марксистской политэкономией. Тем более что она завершала «строение» классической политэкономии, поскольку базовой категорией анализа здесь была категория стоимости. К сожалению, абсолютное большинство выпускников и белорусских вузов, в том числе, даже не представляют ни содержания, ни истории, ни теоретического значения данной категории. Хотя эпоха труда, как основного источника богатства еще далека до завершения, о чем свидетельствует хотя бы даже отраслевая структура ВВП, занятых и пр.

Более активное проникновение марксизма в вузовскую среду произошло в 70-е годы прошлого века под влиянием политических выступлений и студенческих движений, поскольку предлагаемые теории не могли объяснить «почему все не так» и где свобода выбора и равные возможности. Такое распространение даже не политэкономии, а марксизма произошло уже в рамках аналитического марксизма, представители которого своим развитием теоретических постулатов довели его до самостоятельной академической научной школы. Востребованность выводов аналитического марксизма значительно возросла в современных условиях неопределенности, хаоса, кризиса 2008-2009 гг., росте социальной напряженности.

Промежуточным итогом этого пункта рассуждений может служить вопрос, а кто более профессионально и точно отразит фундаментальные тенденции современной экономики, тот, кто абсолютно не знаком с марксизмом и изучал лишь работы К. Менгера, У. Джевонса, А. Маршалла, В. Парето или тот, кто хорошо владеет лишь марксистской политэкономией? Думается, ответ очевиден.

«Капитал» – основная работа К. Маркса, которая отразила основную тенденцию развития капитала как основного экономического отношения. Это также одна из самых влиятельных книг в истории человечества. Так или иначе, но идеи «Капитала» формировали политико-экономическое мышление политических лидеров, руководителей общественных движений и менеджеров крупных частных фирм особенно в 20 веке. В Интернет-рейтинге корпорации «ВВС» именно К. Маркс занял первое место среди наиболее влиятельных мыслителей второго тысячелетия, опередив И. Ньютона и А. Эйнштейна [25, с.

72]. Кстати, К. Маркс с А. Смитом занимают лидирующие места по индексу цитирования. Об этом авторе, правда, больше слышали, чем читали даже тогда, когда он был официальной доктриной СССР. Лучше знали «Капитал» выпускники отделения политэкономии ряда университетов, поскольку изучение его проходило в сравнении с другими существующими экономическими доктринами мира. Но вера и знание часто пересекались и не всегда в пользу марксизма, но явный и неявный отказ от него тридцать лет назад и построение современного общества в большинстве социалистических стран на далеких от практики рыночных постулатах высветили не только недостатки, но и жизненность марксистской методологии, многих теоретических идей, практичность определения ряда экономических категорий.

Конечно, экономические факультеты готовят экономистов разного уровня и назначения. И хотя немало среди них узкоутилитарных экономистов, выполняющих рутинные операции, все же, как представляется, для современного экономиста знание политэкономии К. Маркса – это даже не вопрос эрудиции, а вопрос профессии. Именно через призму категорий в марксистском определении можно понять природу, истинный смысл и реальных экономических отношений в текущем и будущем, и категорий денег, прибыли, заработной платы, кредита, перспектив накопления и форм капитала, устройства финансового рынка и пр. Ну, если прибыль – это плата за риск, о чем пишется в учебниках неоклассики, то почему всего же любой предприниматель старается расширить свое производство, нанимая дополнительных рабочих?

Можно с переменным успехом спорить относительно названных выше некоторых категорий, но мышление любого мал-мальского зрелого экономиста может оформиться лишь «поварившись» в творческой лаборатории К. Маркса, который проследит даже не логику самого исследователя, а просто логику изложения автора «Капитала». За исключение марксистской политэкономии до сих пор ни одна школа не обеспечила такую логику исследования от конкретного и самого простого к сложному, перейдя в последующем к абстрактному и потом к исследованию реальных хозяйственных отношений. Если другие науки, которые считаются именно науками еще и потому, что они имеют такую элементарную «клеточку», форму, например, физика имеет атом, от которой она берет свое аналитическое начало, химия – молекулу, биология – клетку, то «экономика» в современном исполнении даже предмет своей дисциплины определяет весьма туманно, о чем крайне критически сказал в начале 90-х годов Р. Коуз. Стоимости нет, а ценность исчезает уже после чтения первых тем «экономикса».

Неокласика в качестве главного постулата приняла определение предмета науки экономики, высказанное в 1936 г. Л. Робинсом как дисциплины, изучающей человеческое поведение с точки зрения взаимоотношения между ограниченными ресурсами и безграничными потребностями. Не вдаваясь в подробности критики этого аморфного положения о предмете «экономики», приведем слова Нобелевского лауреата А. Дитона, который сказал, что ресурсов в мире вполне достаточно, чтобы удовлетворить нормальные человеческие потребности и, конечно, явно недостаточно, чтобы удовлетворить человеческую алчность. Этот же экономист на основании своих больших расчетов делает вывод о том, что для вполне нормальной жизнедеятельности достаточно годового дохода на уровне 76 тыс. долл. США в год.

Определение даже предмета политэкономии К. Марксом имеет большой теоретический потенциал и практическую направленность, поэтому заслуживает внимания, изучения и не только студентов. Во-первых, автором была выполнена скрупулезная, академически выдержанная работа по анализу и, соответственно, критике предшествующих теорий, существующих на тот период. Определением предмета науки задается направление исследования и то, кому ты рекомендуешь свои выводы. Во-вторых, границы предмета у К. Маркса сфокусированы на общественно-экономической формации, способе производства, в который входят и производительные силы, и соответствующие производственные отношения, и надстройка. «Предметом моего исследования в настоящей работе, – писал К. Маркс в предисловии к 1-му тому «Капитала», – является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [26, с. 6]. Производительные силы, таким образом, здесь выступают основанием любой системы и капиталистической в частности. Кстати сказать, техническая сторона экономики, качество такого главного элемента как рабочая сила заменена абстрактным «трудом» и вообще выпали из анализа альтернативных марксизму школ. Политическая экономия «...исследует прежде всего особые экономические законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще [27, с. 151]. Можно попробовать протестировать и себя и студентов на знание экономических законов... Ведь считаясь наукой экономическая в том числе призвана открывать экономические законы, чтобы представить социально-экономическую систему через основные структурные элементы, а не описательно, бормоча (фраза Й. Шумпетера) что-то о спросе и предложении, о равновесной цене, которая может и представлена экономистами умозрительно, но все равно не спасающая от кризисов.

Общий кризис капитализма (!) 2008-2009 гг. значительно повысил спрос на марксизм и в частности на его теорию экономической динамики и кризисов. Почему? Ответ прост – нигде ни в одной школе не нашли ни объяснения природы цикла, ни движущих сил, ни предсказаний результатов этого явления. Поэтому экономисту любого уровня и сферы надо бы знать диалектику экономического развития. Причем, не экономического роста, потому что рост ограничен рядом условий и к тому же может быть без развития, что уже многие страны имеют, расточая ресурсы. Й. Шумпетер обнаружил этот пробел в экономической науке, оценил значение трудовой теории стоимости и сформулированного основного противоречия капитала как системы и сделал определенный вклад в теорию развития [28]. Позже и особенно в текущем тысячелетии попытались эту проблему решить через инновации, новации и пр. Что получилось – можно посмотреть историографию, статистику как по нашей стране, так и по другим странам. Результаты пока крайне скромные кроме Китая, у которого марксистская политэкономия лежит в основании национальной экономической политики. Так ответил на наш вопрос о предпочтении школ президент Академии марксизма Китайской академии общественных наук, председатель Всемирной ассоциации политической экономии Чен Енфу, что мы тщательно изучаем разные идеи, школы и используем с учетом нашей специфики.

То неравенство, которое определил полтора века назад К. Маркс в «Капитале», его причины, проявления, механизмы, последствия и пр. нельзя обойти вниманием даже потому, что в мире эта проблема серьезно обострилась и требует своего решения. Более того, она не менее остро с цифрами статистики исследована и описана, например, в работах, Т. Пикетти, Дж. Стиглица, П. Кругмана, других работа.

Привлекает к обсуждаемой работе и, конечно, к другим работам К. Маркса активное развитие теории институционализма, компаративистики, экономической истории. В частности, объективность экономических законов, основанных на определенном уровне производительных сил и производственных отношений, а также положение об адекватности этому надстройке позволяет говорить о К. Марксе как о предшественнике современного институционализма. Например, прослеживается явная связь с теорией прав собственности, изменением роли человеческого фактора по сравнению с техникой и технологией, что нашло отражение в теории «человеческого капитала», теории «социального капитала». Классификация издержек обращения и выделение чистых и дополнительных издержек, формулирует хорошее основание для понимания на тот период транзакционных издержек. Что стоит также, например, его идея об отличии экономической и

социальной эффективности или о том, что в конечном счете любая экономия должна проявиться в увеличении свободного времени работника для творческого развития последнего.

Иначе говоря, К. Маркс не только интересен, но и полезен там, где другие теории сегодня не доставляют не только интеллектуального удовольствия, но и какой-то практической пользы. По этому поводу можно вспомнить реальный случай, когда после кризиса в ноябре 2008 г. королева Англии, посещая Лондонскую школу экономики, задала проф. Л. Гарикано вопрос: «Почему никто не замечал надвигающийся финансовый кризис?» Проф. Л. Гарикано ответил: «На каждом этапе каждый надеялся на другого, и каждый был уверен, что они делают правильную вещь... Коротко говоря, Ваше Величество, хотя можно назвать много разных причин, но неспособность увидеть сроки и масштабы кризиса и предотвратить его была связана неспособностью множества умных людей в нашей стране и в мире осознать риски системы как целого».

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Были острые проблемы, была соответствующая реакция на них четыреста лет тому назад, что обусловило и развитие политэкономии и, естественно, реальной хозяйственной системы. Возникли на новом витке новые проблемы, обострились противоречия, разрушительная сила которых значительно усилилась. Но одновременно активизировались и умы, которые пытаются расщепить возникающие вопросы в политэкономическом фокусе. Последний высвечивает не только универсальные законы и закономерности эволюции системы отношений мир-экономики и национальных хозяйственных единиц, но и позволяет зафиксировать в них общее и особенное не только в структуре отношений, но в хозяйственных формах, к которым сегодня обращаются представители институциональной теории. Но каковы бы ни были глубокие разработки, например, частных теорий физики, но общая физика со своим предметом и гносеологическими функциями осталась. Так и политическая экономия – она осталась и останется в будущем, поскольку есть для нее старые и новые нерешенные другими частными науками предметные поля.

Устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления Человека, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения развивающего знания, ориентированного не на тело, а на душу. Бормотание «спрос – предложение!» или «планирование и контроль!» не могут ответить на вопрос, например, а какова стратегия развития в современных условиях, в чем все-таки суть кризиса и почему растут цены, почему богаты богатеют, а бедные беднеют. В нашей

современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о рыночном равновесии, свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог же более, чем скромный.

Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и общественных органов, чтобы исключить присвоение трансформационной ренты государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как политэкономии институтов. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль общественно-экономических стабилизаторов, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Тенденции таковы, что справедливость представляет главную основу общественного устройства. И если она нарушается, то это представляемое человеческим сообществом здание, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах. О таком крахе современной экономической цивилизации могут напоминать слишком многие факты из практики.

Началом предмета новой политэкономии является формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется историко-практическая деятельность. В этом случае снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования. «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках

традиційної структури, – пише Л. Мизес. – Теорію каталлактики необхідно вистроїти на твердому фундаменті людської діяльності» [17, с. 10]. Разве спрос и предложение являются основными фундаментальными характеристиками экономической составляющей человеческой деятельности – праксиологии по Л. Мизесу? А какие, собственно, экономические законы, сегодня выработала наука «экономика» и что знают после ее изучения экономисты? Поэтому вперед к политической экономии, к которой подталкивает сама жизнь своими проблемами, которая, как оказывается, по своей остроте, интригам и даже трагедии не уступает временам А. Монкретьена. Последняя, может, и не на все вопросы ответит, но ориентирует пытливые мышление в нужном теоретическом ракурсе, определив реперные точки отсчета проблемной практики.

В завершение приведем список периодических изданий, которые подтвердят, что политэкономия скорее жива, чем наоборот... Итак, совсем недавно начал издаваться в РФ журнал «Вопросы политической экономии», получивший большой резонанс. Из зарубежных регулярных изданий можно отметить следующие: «Журнал политической экономии» (Чикаго), «Международный журнал политической экономии» (США), «Журнал политической экономии» (Шотландия), «Австралийский журнал политэкономии», «Северный журнал политической экономии» (Исландия), «Бюллетень политической экономии» (Индия), «Журнал экономики и политэкономии» (Турция), «История политической экономии» (США), «Бразильский журнал политической экономии», «Политэкономия коммуникаций (США), «Исследования в политической экономии» (Канада). Это далеко не полный перечень авторитетных изданий показывает, что политэкономия наука развивающаяся. Она развивается вместе с возникающими проблемами, расширяя предмет, методологию и инструменты исследования, но при этом сохраняя свою классическую основу.

Список использованной литературы

1. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations / G. Myrdal. – N.Y., 1968.
2. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Стиглиц. – М.: ЭКСМО, 2011. – 512 с.
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства / Дж. Стиглиц. – М.: ЭКСМО, 2015. – 512 с.
4. Кругман П. Возвращение великой депрессии / П. Кругман. – М.: ЭКСМО, 2009. – 336 с.

5. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции / П.С. Лемещенко. – Мн.: БГУ, 2001. – 299 с.
6. Очерки политической экономии / под общ. ред. П.С. Лемещенко. – Мн.: БГУ, 1999 – 299 с.
7. Лемещенко П.С. Неополитэкономия как теоретический императив постиндустриального развития / П.С. Лемещенко // Философия хозяйства. – 2000. – № 2. – С. 68–89.
8. Экономика: университетский курс: учебное пособие / [П.С. Лемещенко и др.]; под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. – Мн.: Книжный дом, 2007. – 703 с.
9. Бьюкенен Дж. М. Сочинения: 1 т. / Бьюкенен Дж. М.; ред. кол. Р. М. Нуреев (гл. ред.) [и др.] ; пер. с англ. – Таурус Альфа – М., 1997.
10. Алле М. Экономика как наука / М. Алле – М.: Наука для общества, 1995. – 166 с.
11. Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии / О. Ананьин // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 135–152.
12. Бузгалин А.В. Теория социально-экономических трансформаций / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: ТЕИС, 2003. – 656 с.
13. Бузгалин А.В. Глобальный капитал / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 512 с.
14. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории / Дж. Стиглиц // Эковест. – 2003. – № 3. – С. 336–421.
15. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика как научная основа мир-системы XXI века / П.С. Лемещенко // Философия хозяйства. – 2006. – № 4. – С. 101–120.
16. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
17. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М.: Экономика, 2000. – 878 с.
18. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal, Cambridge University Press, 1995.
19. Brown L. New shorter Oxford English Dictionary / L. Brown, Oxford University Press, 1993.
20. Arndt W. Political economy / W. Arndt // Economic Record. – 1984. – Vol. 60. – P. 266–273.
21. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997. – 350 с.

22. Стиглиц Дж. Цена неравенства / Дж. Стиглиц. – М.: ЭКСМО, 2015. – 512 с.
23. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М.: Маргинем Пресс, 2016.
24. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг / Пер. с англ., 4-е изд. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
25. Ананьин А. Карл Маркс и его «Капитал»: из века девятнадцатого в век двадцатый / А. Ананьин // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 72–86.
26. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 23. – 907 с.
27. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 858 с.
28. Шумпетер Й. Теория экономического развития: (исслед. предпринимат. прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер; пер. с нем. В.С. Автономова [и др.]. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

References

1. Myrdal, G. (1968). *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. New York.
2. Stiglitz, J. (2011). *Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskii poryadok posle global'nogo krizisa* [Cool peak: America and the new economic order after the global crisis]. Moscow: EKSMO.
3. Stiglitz, J. (2015). *Tsena neravenstva* [The price of inequality]. Moscow: EKSMO.
4. Krugman, P. (2009). *Vozvrashcheniye velikoy depressii* [Return of the Great Depression]. Moscow: EKSMO.
5. Lemeshchenko, P.S. (2001). *Teoreticheskaya ekonomika: struktura, klassicheskiye traditsii, novyye tendentsii* [Theoretical economics: structure, classical traditions, new trends]. Minsk: BSU.
6. Lemeshchenko, P.S. (1999). *Ocherki politicheskoy ekonomii* [Essays on political economy]. P.S. Lemeshchenko, ed., Minsk: BSU.
7. Lemeshchenko, P.S. (2000). *Neopolitekonomiya kak teoreticheskii imperativ postindustrial'nogo razvitiya* [Neopoliteconomy as a theoretical imperative of postindustrial development]. *Filosofiya khozyaystva*, 2, pp. 68–89.
8. Lemeshchenko, P.S. (2007). *Ekonomika: universitetskiy kurs: uchebnoye posobiye* [Economics: university course: study guide]. P.S. Lemeshchenko and S.V. Lukin, ed., Minsk: Knizhnyy dom.
9. Buchanan, J.M. (1997). *Sochineniya* [Works]. vol.1. Moscow: Taurus Alpha.

10. Alle, M. [1995]. *Ekonomika kak nauka* [Economics as a science]. Moscow: Nauka dlya obshchestva.
11. Anan'in, O. (1999). *Ekonomicheskaya nauka v zerkale metodologii* [Economic science in the mirror of methodology]. *Voprosy filosofii*, 10, pp. 135–152.
12. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2003). *Teoriya sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy* [Theory of Socio-Economic Transformations]. Moscow: TEIS.
13. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2015). *Global'nyy kapital* [Global capital]. Moscow: LENAND.
14. Stiglitz, J. (2003). *Informatsiya i izmeneniye paradigmy ekonomicheskoy teorii* [Information and the paradigm shift of economic theory]. *Ekovest*, 3, pp. 336–421.
15. Lemeshchenko, P.S. (2006). *Teoreticheskaya ekonomika kak nauchnaya osnova mir-sistemy XXI veka* [Theoretical economics as the scientific basis of the world-system of the XXI century]. *Filosofiya khozyaystva*, 4, pp. 101–120.
16. Baumol, U. (2001). *Chego ne znal A. Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu* [What A. Marshall did not know: the contribution of the twentieth century to economic theory]. *Voprosy ekonomiki*, 2, pp. 73–107.
17. Mises, L. (2000), *Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human activity: a treatise on economic theory]. Moscow: Ekonomika.
18. Crystal, D. (1995). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press.
19. Brown, L. (1993). *New shorter Oxford English Dictionary*. Oxford University Press.
20. Arndt, W. (1984). Political economy. *Economic Record*, 60, pp. 266–273.
21. Smith, A. (1997). *Teoriya npravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Senses]. Moscow: Respublika.
22. Stiglitz, J. (2015). *Tsena neravenstva* [The price of inequality]. Moscow: EKSMO.
23. Picketti, T. (2016). *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Moscow: Marginem Press.
24. Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic thought in retrospect]. Moscow: Delo Ltd.
25. Anan'in, A. (2007). *Karl Marks i yego «Kapital»: iz veka devyatnadsatogo v vek dvadtsatyy* [Karl Marx and his “Capital”: from the nineteenth century to the twentieth century]. *Voprosy ekonomiki*, 9, pp. 72–86.
26. Marx, K. (1962). *Sochineniya* [Compositions]. vol. 23. Moscow: Gospolitizdat.

27. Marx, K. (1961). *Sochineniya* [Compositions]. vol. 20. Moscow: Gospolitizdat.

28. Schumpeter, J. (1982). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: (issled. predprinimat. pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon"yunktury)* [Theory of Economic Development: (research. Entrepreneurial. Profits, capital, credit, interest and business cycle)]. Moscow: Progress.

Лемещенко П.С., д.е.н., професор, Білоруський державний університет

Політична економія - наука королів, або до питання про мудрість державного управління

У статті представлено основні проблеми соціально-економічного розвитку на сучасному етапі, обумовлені недоліком політекономічного знання і обґрунтовується необхідність інтенсивного відродження нової політекономії. «Погано» розвиваються ті країни, економічні агенти якої не знають законів і категорій сучасної політекономії. Предмет останньої, на думку автора, вбирає класичні основи політекономії як науки в цілому і розширюється за рахунок включених в суспільне геополітичне відтворення нових ресурсів, відносин, властивостей, факторів, умов: інформації, інститутів, мотивів, форм кооперації та ін. Політекономія інституційних змін - центральна наукова проблема сучасності.

Ключові слова: політекономія, раціональність, інтереси, соціально-економічний розвиток, інститути.

Liameshchanka P., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University

Political Economy is the Science of Kings, or to Question the Wisdom of Public Administration

The article presents the main problems of socio-economic development at the present stage, due to the lack of political and economic knowledge and the necessity of intense revival of the new political economy. "Bad," are developing countries that economic agents do not know the laws and categories of modern political economy. The latest, according to the author, absorbs the classic foundations of political economy as a science in General, and expanded to public geopolitical reproduction of new resources, relationships, properties, factors, conditions: information, institutions, motives, forms of cooperation, etc. The political economy of institutional change is the Central scientific problem of our time.

Key words: political economy, rationality, interests, socio-economic development, institutions.